

2007-7
4778 2

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ, ОЧЕРКОВ, ЭССЕ

СОБРАНИЕ

МОСКВА 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссионные проблемы истории и методология исследования

<i>В. Страда</i> (Венеция) Россия как часть и как Иное Европы	9
<i>Д. Ливен</i> (Лондон) Россия как империя и периферия	17
<i>С. Живанов</i> (Белград) Россия на путях незаконченной модернизации	31
<i>И. Р. Тагиров</i> (Казань) О некоторых проблемах российской истории	36
<i>В. В. Журавлев</i> (Москва) Реформы конца XX столетия в контексте исторических традиций России	44
<i>Ю. А. Поляков</i> (Москва) Будь я астрологом... ..	51

Грани прошлого: гипотезы, парадоксы, открытия

<i>А. П. Деревянко</i> (Новосибирск) Археологическое наследие России: проблемы сохранения и изучения	61
<i>Г. М. Бонгард-Левин, Г. А. Кошеленко</i> (оба — Москва) «Политизированная мифология» в Парфии	73
<i>А. И. Иванчик</i> (Москва) К мифологической географии Боспора: Были ли киммерийцы на Боспоре Киммерийском	84
<i>И. И. Попов</i> (Москва) О противоречиях в структуре и содержании Корана	88
<i>А. А. Кудрявцев</i> (Ставрополь) О влиянии переднеазиатских градостроительных традиций на формирование оборонительной архитектуры древнего Дербента	97
<i>Б. Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург) Дальние подступы к классическим русским утопиям	108
<i>С. М. Каштанов</i> (Москва) Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря	119
<i>Е. А. Вишленкова</i> (Казань) Гендерные репрезентации «русскости» (XVIII — первая четверть XIX века)	135
<i>Л. Г. Захарова</i> (Москва) Цесаревич Александр Николаевич в Европе. 1838–1839	143
<i>И. А. Христофоров</i> (Москва) «Вертикаль власти» или патриархальный контроль? Судьба административной реформы во внутренней политике 1880-х годов	153

<i>М.Ш.Махтаев</i> (Москва) Революционный экстремизм и военная юстиция России (вторая половина XIX — начало XX века)	166
<i>Д.Кип</i> (Берн) Свежий взгляд на РСДРП	193
<i>И.Х.Урилов</i> (Москва) 1908 год в жизни РСДРП	203
<i>Г.Л.Соболев</i> (Санкт-Петербург) «Дело Ганецкого» в ЦК РСДРП(б) в 1917 году	246
<i>Л.Хеймсон</i> (Нью-Йорк) Из истории июльского кризиса 1917 года	252
<i>В.В.Шелохаев</i> (Москва) Либеральная стратегия и тактика разрешения системных кризисов	271
<i>В.Л.Телицын</i> (Москва) Либерал Лев Литошенко и его критика марксизма	278
<i>Т.Эммонс</i> (Стэнфорд) Проблема «Россия и Запад» у М.И.Ростовцева и П.Н.Милюкова после 1917 г.	291
<i>Л.В.Тягуненко</i> (Москва) Русские революции и Балканы	297
<i>З.Л.Серебрякова</i> (Москва) Письмо, прочитанное через много-много лет	305
<i>А.А.Данилов</i> (Москва) Как боролись с привилегиями в первые годы советской власти	309
<i>А.И.Османов, Г.А.Искендеров</i> (оба — Махачкала) К вопросу об идеологии и социальной психологии крестьянства Дагестана (20–30-е годы XX века)	319
<i>Д.Б.Павлов</i> (Москва) Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг.	333
<i>А.А.Сальникова</i> (Казань) Символы и образы советского университетского пространства и их специфика	349
<i>С.Ю.Мальшева</i> (Казань) Трансформация праздничного календаря в Татарстане в 1920–1930-е годы	358
<i>Н.А.Ивницкий</i> (Москва) Голод 1932–1933 годов	365
<i>Б.Ф.Султанбеков</i> (Казань) Татария в «Особой папке» Сталина	371
<i>В.Д.Поликарпов</i> (Москва) «Пятая колонна» в СССР в 30-е годы XX века	376
<i>А.И.Козлов</i> (Ростов-на-Дону) Нацистская мифология об арийском происхождении казачества	393
<i>Я.С.Драбкин</i> (Москва) Потсдам и Карлсхорст в послевоенной Германии. Символы и реалии	405
<i>А.А.Фурсенко</i> (Санкт-Петербург) Об одном неразгаданном донесении разведки	413

<i>А.А.Ляховский</i> (Москва) Операция «Байкал–79»	416
<i>А.С.Черняев</i> (Москва) Национальный вопрос и распад СССР	424
<i>Г.Г.Гамзатов</i> (Махачкала) Многонациональный регион: факторы согласия и межэтнического напряжения	439
<i>Б.Д.Панкин</i> (Москва) Заметки о «шведской модели» и ее социал-демократических создателях	450
<i>В.А.Рыжков</i> (Москва) Столетний круг России	457
<i>В.А.Виноградов</i> (Москва) Приватизация в России на грани столетий	462
<i>А.Д.Степанский</i> (Москва) «Археографическая революция» в постсоветской России	468
<i>А.О.Чубарьян</i> (Москва) Россия в мировой истории. Национальные российские ценности и приоритеты и их отражение в учебниках истории в средней школе	481

Личность и время: точки соприкосновений и противоречий

<i>С.В.Тютюкин</i> (Москва) Больше, чем любовь (граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова)	489
<i>А.П.Толстяков</i> (Москва) Русский дипломат — американский писатель	502
<i>Б.В.Ананьич</i> (Санкт-Петербург) И.Е.Репин и И.И.Толстой	508
<i>Р.Ш.Ганелин, Т.В.Андреева</i> (оба — Санкт-Петербург) Судьба большевика-объединенца: материалы к биографии А.М.Файнштейна	515
<i>Я.Г.Рокитянский</i> (Москва) Неизвестный этап интеллектуального развития академика Д.Б.Рязанова (конец 80-х — первая половина 90-х гг. XIX в.)	523
<i>А.Л.Литвин</i> (Казань) Реакция современников на смерть Г.В.Плеханова	542
<i>Б.С.Орлов</i> (Москва) «Момент истины» Георгия Валентиновича Плеханова	547
<i>А.А.Чернобаев</i> (Москва) Н.А.Рожков: судьба историка и политика (1917–1927 гг.)	553
<i>Г.А.Толстяков</i> (Москва) Первая встреча, последняя встреча. У Берберовой в Филадельфии	569
<i>М.В.Ардов</i> (Москва) Жертва акмеизма	582
<i>И.П.Руденко</i> (Москва) Сталин разрушил миллионы семей	590

Познаваемое и непознанное

<i>Ю. С. Кукушкин</i> (Москва) Классические университеты в гуманитарной Европе	597
<i>О. В. Лебедь</i> (Москва) Причинно-следственная диаграмма в оценке качества образования	604
<i>М. А. Якубов</i> (Москва) Музыкальный инструмент в смене эпох	608
<i>Н. М. Евдаев</i> (Нью-Йорк) Тайна в мастерской Бурлюка	618
<i>Е. И. Кукушкина</i> (Москва) Теория социальной коммуникации: российские истоки	625
<i>Л. Н. Соловьев</i> (Москва) О функциональном подходе к информации в криминалистике	633
<i>Г. П. Юрьев, Е. И. Лебедь, М. А. Пронин</i> (все — Москва) Виртуальная генеалогия в алгоритмах бессмертия памяти поколений	638

«Вторая муза»

<i>С. Н. Кондрашов</i> (Москва) Сокровенное	645
<i>Е. Д. Дога</i> (Москва) Об отце	671
<i>Е. Ю. Кораблева</i> (Москва) «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»	680
<i>А. А. Шаганов</i> (Москва) Из детства	683
<i>А. В. Баталов</i> (Москва) Таня и бабушка (сказка)	686
<i>Б. Л. Васильев</i> (Москва) Государева тайна. Московская легенда	688
<i>В. К. Кикабидзе</i> (Тбилиси) Ахмад	697

Время человека

<i>Ш. Н. Амиров</i> (Москва) Ты помнишь, как все начиналось?	701
<i>Д. А. Гранин</i> (Санкт-Петербург) Больше слушающий, чем говорящий	709
<u><i>Е. И. Минц</i></u> (Москва) Тридцать лет назад	711
Из архива Ю. И. Кораблева (дневниковые записи 1996 года)	714
Сведения об авторах	715

Б. С. Орлов
«МОМЕНТ ИСТИНЫ»
ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ПЛЕХАНОВА

Общество воздаст должное памяти тех соотечественников, которые посвятили себя служению народу. Опросы последних лет, правда, показывают, что такое «служение народу» понимается по-разному и в списке наиболее почитаемых соотечественников оказываются лица с весьма спорной репутацией. Но это говорит лишь о том, что в оценке заслуг тех или иных деятелей в нынешнем обществе существует весьма большой разброс мнений.

Как с учетом этих обстоятельств оценивать то, что совершил в свои неполные 62 года липецкий дворянин Георгий Плеханов, 150-летие которого пришлось на декабрьские дни 2006 г.? Можно ограничиться самыми общими оценками. Это был один из наиболее образованных людей своего времени, труды которого в самых разных областях (философия, социология, история, экономика, литературоведение) составили 27 томов неполного Собрания сочинений. Плеханов первым предпринял попытку проследить ход развития общественной мысли в России с давних времен, что нашло отражение в его трехтомнике «История русской общественной мысли», которая практически до сих пор по-настоящему не прочитана и не осмыслена. Плеханов стоял у истоков зарождения социал-демократического движения в России. Он же — родоначальник русского марксизма.

Но это самое общее перечисление основных заслуг Плеханова (которые, заметим, для иных вовсе не бесспорны) не позволяет со всей полнотой составить мнение о Плеханове как о человеке своей эпохи, который в жарких спорах и столкновениях, продолжавшихся годами и десятилетиями, пытался разъяснять российскому обществу, что с ним происходит и в каком направлении ему следует двигаться.

Деятельная жизнь Плеханова пришлась на время системных реформ Александра II, начатых с освобождения крестьян в 1861 г., и закончилась во времена первой попытки российского общества освободиться от режима единоличной власти и жить по правилам представительной демократии — в феврале 1917 г. Но вначале был порыв. Порыв, трудно объяснимый современным «юношам, обдумывающим житье». В самом деле, почему молодой человек из среднезажиточной дворянской семьи, живущей в южнороссийской провинции, успешно закончивший военную гимназию в Воронеже и поступивший в престижное артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, вдруг круто меняет свою жизнь и, примкнув к тогдашним революционным кружкам, фактически переходит на нелегальный образ жизни? Можно было бы понять это, будь молодой человек закомплексованным на собственных недостатках и пытающимся самоутвердиться в нелегальной деятельности. Но Жорж Плеханов был хорош собой, женщины на него заглядывались, а о его блестящих способностях высоко отзывались в Горном институте, куда он поступил после прекращения занятий в артиллерийском училище. То была первоначальная точка отсчета в духовном становлении Георгия Плеханова, его самое главное решение в жизни, которое он будет пытаться реализовывать в словах и делах в последующем.

А первое такое «дело», замеченное во всей Европе, — выступление на нелегальном митинге рабочих и студентов, да не где-нибудь, а в самом центре Санкт-Петербурга перед Казанским собором. Сегодня такими выступлениями не удивишь. Ну, собралась группа людей. Ну, выкинули красное знамя. Ну, выступил с громкими словами о необходимости земли и воли какой-то молодой человек. Ну, набежали полицейские и стали всех подряд хватать. Ну, молодому оратору нахлобучили шапку, и ему удалось ускользнуть. И это был молодой Плеханов, которому тогда, 6 декабря 1876 г., не хватало 5 дней до полных двадцати лет. Но в историческом контексте это было первое массовое публичное выступление после выхода на Сенатскую площадь декабристов 14 декабря 1825 г. Казалось, в николаевской империи был установлен железный порядок. И вот через пять десятилетий после выступления декабристов прозвучал громкий сигнал, оповестивший о том, что не все благополучно в системе с ее четкой бюрократической вертикалью и идеологическим прикрытием в виде известной триады «православие, самодержавие, народность».

А перед этим было еще одно плехановское «дело», не менее значимое по своей сути. Как известно, молодой Плеханов примкнул к движению народников, считавших своим моральным долгом идти в деревню, просвещать крестьян, разъяснять им, как устроить жизнь на разумных началах. Но большинство крестьян не оценило этих благородных побуждений, полагая, что молодые бары, переодевшись в простое платье, просто «чудят». И тогда часть народников пришла к выводу: народ следует пробуждать шокowymi акциями, поколебав безграничную веру в доброго царя. И, соответственно, убивать главу государства, видных сановников. Именно к такому выводу пришли члены организации «Земля и воля», вынеся на своей подпольной встрече смертный приговор Александру II. Так в России зародился идеологически мотивированный терроризм. И молодой Плеханов оказался перед выбором — поддерживать такую тактику или выходить из организации. Плеханов выбрал второе, что, собственно говоря, шло вразрез с умонастроениями тогдашней леволиберальной среды, в которой сложилось негласное мнение: те, кто совершают такие поступки, жертвуя собственной жизнью, — мученики, борцы за счастье народное и, следовательно, праведники. Именно так был расценен поступок молодой дворянки Веры Ивановны Засулич, которая, приехав специально из Харькова в Петербург, напросилась на прием к градоначальнику Трепову и выстрелила в него, наказывая тем самым за его грубое отношение к одному из заключенных. Засулич арестовали, но присяжный суд оправдал ее, и вскоре она скрылась за границей, став своего рода символом высокого морального поведения, кстати, не только в России, но и в Европе.

Из-за преследований полиции за границу пришлось податься и Плеханову. Он уехал туда с молодой медичкой Розалией Боград, которая стала главным подарком в его судьбе, проведя с ним 37 лет в скитальческой эмигрантской жизни, помогая ему во всем, родив трех дочерей и ухитрившись закончить в Швейцарии учебу, получить диплом врача и вместе с тем право на заведение лечебного пансионата, где она в последние годы эмиграции поддерживала здоровье мужа, периодически страдавшего от обострения туберкулеза.

В Швейцарии Плеханова застала весть об убийстве Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. Русская эмигрантская община в Цюрихе ликовала. Но для Плеханова это был повод для дальнейшего осмысления линии своего поведения. Во-первых, он окончательно определил для себя, что революционная деятельность

во имя блага народного и террористическая деятельность нравственно не совместимы друг с другом. По этой же причине он не принял модную в тогдашних левых кругах Европы теорию заговора Огюста Бланки.

Во-вторых, он обнаружил странную непоследовательность в рядах тех, кто делал ставку на убийство царя. «Ну, хорошо, — размышлял Плеханов, — цели своей добились — царя убили, а дальше что? Есть ли у сторонников терроризма представление о дальнейшей стратегии или они полагают, что все сложится само собой». На самом деле вместо расширения возможностей для легальной деятельности в рамках реформ Александра II в России возникла принципиально новая ситуация, когда сменивший отца на троне император Александр III решил «подморозить» страну по совету ближайших советников. Отсюда обращение Плеханова к трудам Маркса и Энгельса, которые позволяли выявить закономерности общественного развития, установить основные противоречия, присущие капитализму, определить перспективы нового общественного строя — социалистического, при котором воплотятся идеалы социальной справедливости. Плеханов задавался вопросом, в какой степени марксистский анализ применим к происходящему в пореформенной России, и пришел к выводу, что и его страна вступила в фазу капиталистического развития, что влечет за собой распад традиционной общины, рост городского населения и, соответственно, расширение рядов нового трудящегося класса, который призван освободить себя сам, а вместе с ним все общество от пороков капитализма. Отсюда его решение — создать просветительскую группу и распространять марксистское учение в России. Это произошло в 1883 г. Группе дали название «Освобождение труда», и с ее помощью работы Плеханова по нелегальным каналам переправлялись в Россию и становились там предметом бурных обсуждений. Так, Плеханов вошел в общественное сознание как символ принципиально нового метода революционно-обновления существующих порядков.

Примечательно, что его ближайшей сотрудницей в группе «Освобождение труда» стала Вера Засулич. Та самая, что фактически была первой русской террористкой, а теперь стала первой русской марксистской. Она переписывалась с Марксом, спрашивала у него совета, как быть с русской общиной, поддерживала тесные отношения с Энгельсом, да так, что именно ей он доверял перевод на русский язык своих работ.

Ходом дальнейших событий выстраивалась логическая цепочка — от просветительской деятельности переходить к созданию политической партии, снабдив ее массовой газетой и политической программой. Известно, что I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) состоялся нелегально в Минске в 1898 г. Но это была скорее заявка на учреждение партии. Существенно, что именно члены группы «Освобождение труда» вошли в состав редакции первой партийной газеты «Искра», а сам Плеханов взял на себя труд выработки первой партийной программы, проект который обсуждался уже на II съезде РСДРП, проходившем в 1903 г. сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. Он был примечателен тем, что здесь выявились расхождения, которые переросли в раскол, в ходе которого две группировки, апеллировавшие к марксизму, фактически стали выразителями двух политических культур — консенсусной, только нарождающейся, и конфронтационной, которой испокон веков руководствовались и власти, и оппозиция. Как известно, одних называли меньшевиками, других — большевиками. Чуть позже Плеханов предложил обе группировки характеризовать не по численному, а по содержательному

признаку. Одних — марксистами, других — бланкистами. Но тогда, на II съезде РСДРП, Плеханов, стремясь к сохранению единства партии, в одних случаях поддерживал меньшевиков, в других — большевиков. Так, когда встал вопрос о том, с кем вступать в союз в ходе борьбы с царским режимом, меньшевики были за союз с либералами, большевики — за союз с беднейшими слоями крестьянства. Плеханов поддержал меньшевиков. Но когда на II съезде РСДРП рассматривался вопрос об организационной структуре партии, он был против позиции меньшевиков, предлагавших, что партия должна быть предельно открытой для своих сторонников, и встал на сторону большевиков, настаивавших на том, что только конкретная работа в партии делает ее дееспособной организацией. Правда, впоследствии обнаружилось, что у большевиков сложилось своеобразное отношение к внутрипартийной демократии и что они превращают партию в закрытую организацию заговорщического типа наподобие бланкистской, против чего Плеханов выступал еще по приезде в эмиграцию. Но это стало ясным позднее. А тогда, на II съезде, со всей очевидностью выявилось, что Плеханов был сам по себе, хотя по взглядам и ближе к меньшевикам. Таким он останется и впоследствии, как правило, открывая объединительные и разъединительные съезды и представляя российскую социал-демократию на конгрессах II Интернационала. Выявилось и другое. Плеханов — не слишком большой специалист по устранению изнурительных внутрипартийных передраг. И вообще, как ныне принято говорить, он был «не по этой части». В глазах российской, а также и европейской общественности он предстал как символ нарождающейся демократической России, как общественный деятель самого высокого авторитета и высокой образованности. Когда молодой социал-демократ Александр Потресов встретился с Плехановым в эмиграции и его потом спросили: «Ну, как этот Плеханов?» — он ответил: «Европеец и до мозга костей русский человек». Таким и оставался все эти годы Георгий Валентинович, выполняя трудную миссию русского интеллигента.

Но, пожалуй, самое тяжелое испытание выпало на долю Плеханова, когда началась Первая мировая война. Один из краеугольных камней мировоззренческой позиции международной социал-демократии — это сплоченность действий в случае возникновения империалистической войны. Но вот Германия объявила войну России, и немецкие социал-демократы в рейхстаге поддержали военный бюджет правительства. Общим ликованием встретили вступление в войну своей страны французы. Различной была реакция российских социал-демократов. Группировка Ленина, находясь в Цюрихе, призвала к превращению империалистической войны в гражданскую и к поражению собственного правительства. Группировка меньшевиков вокруг Мартова высказалась за разрешение конфликта на интернациональном уровне. И вот в этой напряженной обстановке Плеханов публично заявил, что следует поддерживать свою страну против агрессивной политики кайзеровской Германии, поскольку это в интересах рабочего класса России. Такая позиция по-разному оценивалась в политических и общественных кругах России. Но когда после долгих лет эмиграции 3 апреля 1917 г. Плеханов возвратился окружным путем (на пароходе по Северному морю, где шныряли немецкие подлодки) в Петроград, его встречали как политика национального масштаба, от которого хотели услышать, что и как надо делать в сложившихся условиях. Как известно, после свержения монархии в России сложилось два центра власти — Временное правительство, которое было призвано готовить проведение Учредительного собрания, и Совет

рабочих и солдатских депутатов, взявший на себя многие хозяйственные и организационные функции и оказавший существенное влияние на обстановку в армии своим Приказом № 1, согласно которому солдаты через выборные органы решали судьбу своих командиров.

По прибытии в Петроград Плеханов заявил, что оба центра власти должны тесно взаимодействовать во имя упрочения молодой российской демократии. Двумя днями позже из Швейцарии прямым путем через территорию Германии с разрешения германских властей прибыл Ленин и призвал к переходу всей власти в руки Советов, к «перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую». Плеханов этот призыв Ленина назвал «бредом», и в газете «Единство» в последующие дни и месяцы, вплоть до Октябрьского переворота, предупреждал российское общество, что этот захват власти обернется кровавой гражданской войной и полной дискредитацией идеи социализма.

Возник своего рода гамлетовский вопрос, касающийся судеб России: брать или не брать власть? Заметим, что вопрос этот решался в обстановке, когда Россия уже третий год вела войну против кайзеровской Германии и страна устала от потерь на фронтах и лишений в тылу. Плеханов был среди тех, кто выступал за продолжение войны, полагая, что заключение сепаратного мира с кайзеровской Германией существенно ослабит позиции демократических союзников — Франции, Англии, к которым присоединились и США. Ленин был за скорейшее прекращение боевых действий, исходя из того, что заключение, как он выразился, «похабного мира» — это при складывающейся в стране обстановке наименьшее из зол.

Следует особо подчеркнуть, что при оценке процессов Февральской революции Плеханову пришлось существенно пересмотреть ряд своих принципиальных позиций. Его марксистские представления о ходе развития общества не противоречили тому, что он увидел в России. Социализм, согласно учению Маркса, вырастает из противоречий высокоразвитого капитализма при наличии высокой степени самоорганизации общества. Отсюда вытекал вывод Плеханова: Россия страдает не от переизбытка капитализма, а от его недоразвитости, и, следовательно, следует способствовать развитию зрелых буржуазных производственных отношений и создавать механизмы компромиссного взаимодействия различных социальных групп, участвующих в этом процессе. Но вот что касается непосредственного участия социал-демократов в данном процессе, то Плеханов многие годы считал, что социалистам нужно думать не о реформах, а о революции. Он обрушился с резкой критикой на теоретика германской социал-демократии Эдуарда Бернштейна, когда тот на рубеже XIX и XX вв. в своих работах допускал для партии рабочего класса возможность заниматься реформаторской деятельностью в условиях существующего общественного строя. Точно так же Плеханов критиковал французского социалиста Мильерана, когда тот вошел в состав буржуазного правительства. И вот, прибыв в революционный Петроград, Плеханов фактически пересмотрел свои взгляды, настаивая теперь на вхождении представителей левых партий в состав Временного правительства.

Как известно, в марксистской теории предусмотрены демократический и непосредственно социалистический этапы революционных преобразований. Плеханов исходил из зрелости российского общества для перехода от режима монархии к режиму демократической республики. Как никак, в XX в. в России уже сложилась многопартийная система и был накоплен опыт работы Государственной думы че-

тырех созывов. Существовала и система земских и городских органов местного самоуправления. Была развернута по всей стране сеть сбытовых и производственных кооперативов. Действовали влиятельные профсоюзы, в том числе союз железнодорожников. Выходила свободная печать разных направлений. Во многих городах были открыты свободные университеты. Российская правовая школа пользовалась авторитетом в ученых кругах Европы. Одним словом, к февралю 1917 г. в России был достигнут уже достаточно высокий уровень общественной самоорганизации. Все это, вместе взятое, и подвело Плеханова к оценкам Февральской революции как той самой буржуазно-демократической революции, о которой он мечтал все долгие годы эмиграции.

В материалах, посвященных 150-летию со дня рождения Плеханова, можно прочитать, что «Ленин переиграл Плеханова». На самом деле Ленин закрыл для России возможность цивилизованного демократического развития, повернув ее в сторону кровавых столкновений, миллионов жертв и десятков миллионов искалеченных человеческих судеб, в результате чего России пришлось в конце концов вернуться на те же позиции, на которые она встала в феврале 1917 г., но уже в крайне ослабленном состоянии.

Из всего этого тяжело больной Георгий Валентинович застал только разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. Он умер несколько месяцев спустя, 30 мая 1918 г., в финском санатории Питкяярви, куда жена увезла его, спасая от унижительных обысков и других мучительных испытаний. Он похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге, и по его просьбе на надгробном камне высечено: «Он слился с природой». Так оно и произошло и никаких претензий к Георгию Валентиновичу теперь уже предъявлено быть не может. Теперь само российское общество должно задать вопрос самому себе: в какой степени оно способно осмыслить значение личностей в собственной истории и, не в последнюю очередь, дела и мысли Плеханова, нравственный урок его жизни.